



Никита Осипов

Анатомия Греха

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Осипов

Анатомия Греха

<https://litres.ru/74273822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если самое смертоносное оружие в мире — это твоя собственная совесть?

Тридцать лет назад программа «Нейро-Ноль» подарила человечеству «чистый рационализм». Ученые вырезали из человеческого мозга зоны сочувствия, вины и стыда. Наступил идеальный мир без депрессий, моральных дилемм и ночных кошмаров. Мир, где убить соседа ради пары монет — это просто эффективная сделка. Син — чистильщик Синдиката. Безжалостный, хладнокровный, идеальный исполнитель. Ему чужды сомнения, а чужие слезы для него — лишь лишний шум. До тех пор, пока в его затылке не сгорает нейро-блокатор, зараженный неизвестным био-вирусом. Вместе с адской болью в разум Сина врывается она. Совесть. Каждый сделанный им выстрел, каждый уничтоженный им человек превращаются в раскаленный костер внутри его собственной головы. Но в его руках оказывается КПК с сывороткой «Вируса Ганча» — вещества, способного вернуть способность чувствовать чужую боль миллионам людей.

Никита Осипов

Анатомия Греха

Глава 1. Аварийный предохранитель

Кислотный дождь над Новым Эдемом шел третьи сутки подряд. Он стекал по мутным, выеденным химией стеклам заброшенного высотного комплекса, оставляя белесые подтеки, и пах жженой пластмассой, мокрой копотью и сырым тухлым мясом. В нижних ярусах мегаполиса никогда не было сухо. Вода собиралась в тяжелые лужи на полуразрушенном бетоне, отражая неоновые вывески подпольных борделей и синтетических закусовых.

Син стоял в тени заброшенного дверного проема на двенадцатом этаже, опершись плечом о холодную стену. В правой руке он сжимал «Молчун» — тяжелый кинетический подавитель с массивным глушителем. Стандартное оружие чистильщиков Синдиката. Безликое, черное, не оставляющее ни гильз, ни привычных баллистических следов.

Внизу, в глубоком бетонном колодце между домами, три

человека в промасленных кожаных куртках забивали четвертого. Процесс шел без криков, без лишней злобы и без эмоций. Нападавшие не ругались и не распаляли себя яростью. Они били методично, носками тяжелых армейских ботинок по ребрам и голове, рассчитывая траекторию ударов так, чтобы не повредить кожаную куртку и сапоги жертвы. Их лица оставались совершенно скупающими, словно они не ломали живого человека, а раскалывали сухие дрова на зиму.

Жертва тоже почти не кричала — только глухо хрипела, подгребая под себя поджатые колени. Когда всё было кончено, один из нападавших деловито срезал с пояса обмякшего тела кошелек, второй снял обувь, а третий, затянувшись самокруткой из синтетического табака, буднично пустил пулю лежащему в затылок. Простая арифметика: затраты на патрон — две монеты, выгода от добычи — пятьдесят.

Син наблюдал за этим сквозь оптику прицела, не шевелясь. Полгода назад он посчитал бы эту сцену идеальным примером социального порядка. Это называлось «чистым рационализмом». Тридцать лет назад, когда корпорации запустили программу «Нейро-Ноль», мир очистили от главной ошибки эволюции. Когда из человеческого мозга хирургически или химически вырезают чувство вины, убийство

перестает быть грехом, преступлением или моральным падением. Оно становится банальной транзакцией. Если тебе выгодно забрать ресурс — ты забираешь его. Если для этого нужно ликвидировать препятствие — ты ликвидируешь его. Нет вины, нет стыда, нет ночных кошмаров. Эра «Нейро-Ноль» обещала победу над депрессиями и слабостью. Пообещала — и сдержала слово, превратив мир в идеальный, безупречно функционирующий скотобойный загон.

Но в последние три недели в голове у Сина что-то сломалось.

Он медленно поднял левую руку и поправил воротник штормовки, подбираясь пальцами к основанию черепа. Там, прямо за правым ухом, под тонким шрамом прощупывался плоский металлический диск — чип нейро-блокатора. Раньше он работал бесшумно, глуша любые эмпатические импульсы на подлете к коре головного мозга. Но теперь диск грелся. С каждым днем все сильнее.

И каждый раз, когда Син видел кровь или слышал, как кто-то хрипит под чужим ботинком, прямо за его глазницами вспыхивала острая, пульсирующая боль. Она была похо-

жа на тонкую раскаленную иглу, которую медленно вворачивают в мозг.

«Ты деградируешь, Син», — подумал он, сквозь зубы вбирая влажный воздух.

В Обществе Чистой Эффективности сочувствие и жалость не просто осуждались — они считались опасным симптомом ментального распада. Психическим уродством. Если Синдикат узнает, что его чистильщик начинает испытывать сомнения, его не станут лечить. Его просто пустят на органо-биохимический утиль.

Син проверил предохранитель «Молчуна», спустился по ржавой лестнице технического пролета и шагнул во внутренний двор, мимо свежего трупa. На сапоги опустился неровный слой кровавой жижи, но Син даже не взглянул вниз. Его ждала конкретная цель.

Заказ пришел лично от Контроллера Ямато. Целью был старик по имени Франц Вебер. В прошлом — ведущий нейробиолог корпорации «Абсолют», один из тех, кто тридцать

лет назад разрабатывал первые прототипы имплантов «Нейро-Ноль». Теперь же Вебер превратился в опасного ренегата. Донос, поступивший в Синдикат, утверждал, что старик оборудовал в подвалах заброшенного водоканала нелегальную лабораторию и синтезирует запрещенный реагент — так называемый «Вирус Ганча». Вещество, которое насильно разрушало нейро-блокаторы и возвращало людям способность чувствовать чужую боль.

Син прошел по узкому затопленному коридору подвала. Под ногами хлюпала мутная вода, смешанная со слизью и обрывками кабелей. Воздух становился все более тяжелым, пахнущим уксусом, спиртом и прелыми бумажными книгами.

Дверь в лабораторию оказалась стальной, но не запертой. Син аккуратно толкнул ее носком ботинка и шагнул в помещение, мгновенно взяв под прицел центральную зону.

Старик Вебер не пытался бежать и даже не потянулся к оружию. Он сидел спиной к двери на низком деревянном табурете перед длинным верстаком, уставленным колбами, стеклянными ретортами и исписанными от руки тетрадь-

ми. В помещении тихо гулял низкочастотный гул какого-то фильтрационного насоса.

— Ты заставил себя ждать, чистильщик, — произнес Вебер хриплым, прокуренным голосом. Он даже не повернул головы, продолжая аккуратно запечатывать воском горлышко небольшой стеклянной ампулы. — Я думал, Ямато пришлет группу ликвидации еще вчера.

Син остановился в пяти шагах от старика. Ствол «Молчуна» смотрел Веберу точно в затылок.

— Доктор Франц Вебер, — произнес Син ровным, лишенным окраски голосом, отрабатывая привычный протокол. — Вы обвиняетесь в производстве нелегализованных биопрепаратов и саботаже социальной стабильности Нового Эдема. Приговор — немедленная зачистка на месте.

— Социальной стабильности? — Вебер тихо, сухо закаркал, и этот звук перешел в тяжелый кашель. Он вытер губы тыльной стороной ладони и медленно повернулся на табурете. — Ты сам-то веришь в эти слова, парень? Или твой же-

лезобетонный чип в башке формулирует мысли за тебя?

Син не ответил. По инструкции он должен был спустить курок в первую же секунду после идентификации цели. Никаких разговоров. Разговоры снижают оперативную эффективность.

Но палец на спусковом крючке не двигался.

Игла в голове Сина проворачивалась все глубже. Металлический диск на затылке обжигал кожу, нагреваясь до предельных температур. В глазах начало мутиться. По краям поля зрения возникла странная, темная пульсация, а в груди, прямо под рукояткой грудины, возник ледяной, сдавливающий ком.

Син впервые в жизни рассмотрел лицо человека, которого должен был убить.

У Вебера были глубокие морщины, перерезавшие лоб, и воспаленные, красные от бессонницы глаза. Но в этих глазах

не было ни страха перед стволом, ни животного тупого равнодушия, с которым жители города встречали смерть. В них было нечто иное — тягучая, бездонная глубина.

— Посмотри на меня, чистильщик, — тихо сказал Вебер, подаваясь вперед. — И посмотри на то, во что превратился этот город. Тридцать лет назад мы думали, что совершаем прорыв. Мы считали, что совесть, стыд и вину можно вырезать как аппендикс. Нам казалось, что без этой эмоциональной грязи человек станет чистым, сильным, эффективным. Мы хотели создать расу творцов и завоевателей, не скованных страхом греха. И кого мы создали? Мы создали не богов. Мы создали бешеных гиен. Беспощадных, тупых, жрущих друг друга паразитов.

— Заткнись, — выцедил Син. Голос сузился до сухого шипения. Руки, удерживавшие «Молчун», неожиданно начали слегка дрожать. Это было недопустимо. Это был сбой механики.

— Совесть — это не ошибка природы! — Вебер повысил голос, и в его тоне прорезалась металлическая, фанатичная сила. — Это не сказка для слабоумных и не религиозный

бред! Совесть — это блядский аварийный предохранитель! Биологический механизм, который эволюция встраивала в нас тысячелетиями, чтобы вид с развитым интеллектом не сожрал сам себя в первой же пещере ради куска мяса! Если убрать этот тормоз, система рухнет. Полноценный распад — лишь вопрос времени.

Син попытался зафиксировать прицел на лбу старика, но перед глазами все поплыло. Внезапно в его сознание прорвалась чужая боль — не его собственная, а странная, отраженная. Он отчетливо почувствовал, насколько велик страх и насколько безысходна усталость этого старого человека, сидящего перед ним. Это чувство навалилось на Сина с такой мощью, что у него перехватило дыхание.

— Ты чувствуешь, да? — Вебер заметил, как дрогнуло оружие в руках чистильщика. На бескровных губах ученого появилась узкая, торжествующая улыбка. — Твой блок сгорел, парень. «Вирус Ганча» был в воздухе этой комнаты с той секунды, как ты открыл дверь. Ты снова становишься человеком. И поверь мне... первая порция совести после тридцати лет полного небытия — это самая страшная пытка, которую ты способен пережить.

Син зарычал от боли в затылке, смыкая пальцы на рукояти.

Выстрел «Молчуна» прозвучал глухо, похожий на хлопок лопнувшей шины.

Пуля вошла Веберу точно в грудь. Старик качнулся назад, больно ударившись затылком о край верстака, и медленно сполз по деревянной стойке на бетонный пол. Из его груди толчками потекла густая, темно-бордовая кровь, быстро растекаясь по мутной воде. Но даже умирая, с перебитым легким, Вебер продолжал смотреть на Сина. И на его угасающем лице застыла улыбка человека, который только что выиграл главную битву в своей жизни.

Син опустил оружие. Оно казалось невероятно тяжелым, будто вылитым из свинца. Вдруг ноги Сина подкосились. Он упал на колени прямо в кровавую воду рядом с телом Вебера, обхватил голову руками и его жестоко, до желчи, вырвало на бетон.

Его тело сотрясала крупная, неконтролируемая дрожь. Син смотрел на свои ладони, вымазанные в чужой крови и химикатах, и впервые в жизни чувствовал не холодный расчет и не профессиональное удовлетворение от чисто выполненной работы.

Его накрыла волна.

Безумная, дикая, удушливая волна сокрушительной, невыносимой вины.

Совесьь вернулась. И вместе с ней в его стерильный, рациональный мир пришел настоявшийся, истинный человеческий ад.

Глава 2. Анатомия греха

Син оставался на коленях в залитом кровью подвале ещё

долгие пять минут. Холодная вода, смешанная с химикатами и вязкой бордовой жидкостью, пропитывала штаны насквозь, но он этого не замечал. Ему казалось, что внутри его грудной клетки медленно разворачивается гигантский, усеянный лезвиями ком.

Каждый вдох давался с трудом. Во рту стоял стойкий привкус желчи и железа.

Он поднял глаза на Вебера. Старик лежал на спине, уставившись неморгающим взглядом в оплетенный паутиной потолок. На его губах все еще замерла эта сумасшедшая, жуткая улыбка. Син протянул дрожащую руку, чтобы закрыть мертвецу глаза — действие, абсолютно бессмысленное и нерациональное с точки зрения чистильщика, — но пальцы остановились в миллиметре от холодного лба.

Пальцы дрожали так сильно, что Син не мог их контролировать.

— Что ты со мной сделал?.. — прохрипел Син в пустоту подвала. Голос звучал чужой, словно принадлежал замерза-

ющему калеке.

Ответа не было. Лишь насос в углу продолжал мерно и равнодушно перекачивать мутную воду.

Син поднялся на ноги, опираясь о запятнанный верстак. Его взгляд упал на небольшой металлический КПК, лежащий рядом с восковыми ампулами. На экране прибора, защищенного бронированным стеклом, пульсировала тонкая красная линия шкалы и обратный отсчет:

71 час 58 минут.

Под таймером горела карта нижних коммуникаций Нового Эдема с шестью пульсирующими точками, отмеченными вокруг Центрального Фильтрационного Резервуара. Син узнал этот интерфейс: Вебер не просто создал «Вирус Ганча», он уже зарядил им автоматические инжекторы в главных магистралях водоснабжения.

Через три дня реагент растворится в воде, которую пил

весь город — от обитателей трущоб до высших офицеров Синдиката в верхних ярусах. И тогда «аварийный предохранитель» сорвет у всех одновременно.

Син сжал КПК в кулаке и сунул его в глубокий внутренний карман штормовки.

Он вышел из подвала в удушливую ночную темноту. Кислотный дождь продолжал молотить по бетонным плитам, но теперь его капли казались Сину раскаленным свинцом. Каждое прикосновение воды к коже вызывало вспышку боли.

Син шел по переулкам нижнего сектора, и мир вокруг него рушился с каждым шагом.

Раньше город был для него понятной схемой: траектории движения объектов, уровень угроз, зоны контроля Синдиката. Теперь эта схема превратилась в ад Данте. В подворотне двое подростков со стеклянными, лишенными мыслей глазами месили ногами какого-то пьяного бродягу, снимая с его замерзающего тела драную куртку. Син прошёл в пяти шагах от них.

Раньше он даже не зафиксировал бы это взглядом — обычная перегруппировка ресурсов между элементами с низкой эффективностью. Но сейчас...

Каждый удар ботинка по ребрам бродяги отдавался в груди Сина настоящей, физической тошнотой. Словно били его самого. В его сознание прорвался чужой страх — дикий, животный, удушливый страх человека, который понимает, что сейчас его убьют просто так, без причины, ради куска грязной ткани. Син остановился, сжав рукоять «Молчуна». Внутри него вспыхнул дикий импульс — выхватить оружие, пустить пули в головы этим малолетним тварям, защитить, спасти!

«Неврастения. Эмоциональный сбой. Дефект», — пытался шептать его внутренний голос, сформированный годами дрессировки в Синдикате.

Но этот голос глушили другие звуки.

В его голове пробивался гул.

Память, блокированная с трехмесячного возраста, прорывалась плотиной. В сознании Сина всплывали лица. Десятки, сотни лиц. Люди, которых он ликвидировал за восемь лет службы чистильщиком.

Женщина в очках из технического архива, которую он застрелил на полу ее собственной квартиры за хранение бумажных книг...

Молодой парень-курьер, ликвидированный просто за то, что оказался не в то время в коридоре зачистки...

Ребенок, которого Син лично вытащил из подвала и сдал в утилизационный блок, потому что у того обнаружили аномалию развития...

Раньше это были просто отчеты. Графы в планшете: *«Объект ликвидирован. Затраты — 1 патрон. Эффективность — 100%»*.

Теперь каждое из этих лиц вставало перед ним в полный рост. Син видел их глаза. Он слышал их последнее прерывающееся дыхание. И каждое воспоминание впивалось в его мозг раскаленным крюком. Это не была физическая рана, которую можно зашить или глушить анальгетиком. Это была *вино* — ядовитая, всевыжигающая кислота, которая разъедала его душу изнутри.

Син дошел до своего убежища на четырнадцатом этаже полузаброшенной высотки, запер тяжелую стальную дверь на все засолы и сполз по ней на бетонный пол.

Он обхватил голову руками и завыл. Глухо, в колени, зубами кусая собственное запястье, чтобы звук не вырвался наружу. За тонкой стеной жили такие же очищенные от совести «соседи» — если бы они слышали эти звуки, они бы просто вызвали группу патруля для ликвидации ненормального.

Его бьет мелкая, непрекращающаяся дрожь.

«Зачем?» — думал Син, царапая ногтями затылок, где догорал, плавясь, металлический диск нейро-блокатора. — «Зачем природа создала эту пытку? Зачем жить, если каждый шаг причиняет такую боль?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.